

В.З. САННИКОВ. РУССКИЙ СИНТАКСИС В СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР, 2008. 624 с.

Издательство “Языки славянских культур”, продолжая публикацию наиболее интересных работ последних десятилетий, выпустило монографию В.З. Санникова “Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве”, которая включает статьи о русском синтаксисе, главы монографии 1989 г. о русских сочинительных конструкциях и переработанные части книги 1999 г. о языковой игре. Общность объекта – русский синтаксис, цельность концепции – семантико-прагматический подход стали основанием для объединения разных исследований в одной монографии.

Каждая из пяти частей книги строится по общему принципу: от семантики и прагматики синтаксической конструкции, что предъявлено в названиях частей (сочинительные конструкции, пролептические конструкции, конструкции с тождественными компонентами и т.д.), к толкованию строевых слов в составе конструкции – местоимений, союзов, частиц. “Маленькие слова” являются классами слов с “инкорпорированным прагматическим элементом”, поэтому автору важно показать роль прагматики в линейном разворачивании текста и ее соотношение с синтаксисом и семантикой “служебных слов”.

Во введении и первой части книги формулируются основные принципы семантико-прагматического описания синтаксических структур, обосновывается основной метод описания семантики языковых единиц – толкование, обсуждаются возможности лингвистического эксперимента для прагматического описания синтаксических конструкций, эффективность логических и лингвистических понятий для интерпретации сочинительных конструкций, возможность применения понятия “чередования” к синтаксическим объектам. Кроме того, здесь же рассматриваются особые синтаксические конструкции (иллокутивные и пролептические), в рамках которых обнаруживаются нетривиальные значения и функции строевых слов. Вторая часть содержит главы из книги “Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис)”, к которым добавлен раздел о конструкциях с тождественными словоформами. Третью часть составляют переработанные разделы книги 1989 г., посвященные сравнению. В четвертой части рассматривается сфера пересечения “условных” и сопоставитель-

ных конструкций, а также условных и уступительных, условных и иллокутивных. Пятая часть “Русский синтаксис в зеркале языковой игры” является фрагментом книги “Русский язык в зеркале языковой игры”; приложение касается проблематики порядка слов применительно к атрибутивным оборотам.

Книга представляет несомненный интерес для читателя-лингвиста и студента-филолога. Она позволяет, с одной стороны, ознакомиться с трудно доступными статьями (или вспомнить эти работы), с другой стороны, дает целостное представление о вкладе В.З. Санникова в описание русского синтаксиса.

Так уж сложилось в русской синтаксической традиции, что основное внимание уделяется средствам выражения подчинительных отношений – как на уровне простого, так и на уровне сложного предложения. Сочинительные конструкции занимают гораздо меньшее место в существующих системных описаниях русского синтаксиса. Объяснение этому можно найти в типологической характеристике языка. Во флективном языке, в котором форма маркирует синтаксическую связь, подчинение становится наиболее ярким и понятным объектом, и, соответственно, наибольшее внимание исследователей привлекают подчинительные союзы и местоименно-соотносительная связь в рамках сложноподчиненного предложения. С другой стороны, в теоретической основе структурного синтаксиса лежат иерархические отношения, которые представлены теорией валентностей.

Трудность изучения сочинения состоит в том, что средство связи не маркирует структуру, что внешне сочинительные конструкции выглядят как простой параллелизм словоформ, что сочинение может интерпретироваться в связи с иконизмом знака. В.З. Санников обращается именно к тем объектам, которые внешне просты, и показывает их сложность. Он обосновывает необходимость семантико-прагматической интерпретации “параллельных конструкций” (не иерархических) – сочинительных, сравнительных, сопоставительных, тождественных. При таком подходе в сферу интересов структурного синтаксиса попадают те конструкции, которые принято относить к стилистике, разговорной речи, экспрессивному синтаксису. Это особые случаи употребления местоимений (пролептические конструкции), несобственно-причинные,

несобственно-условные (иллокутивные) конструкции, заместительные конструкции (*не... а...*), конструкции с тождественными словоформами (*он верил и не верил; ну упал и упал; кто-кто, а...*), присоединительные конструкции. В.З. Санников показывает, что за линейностью стоит не простая линейность, за тождественностью – нетождественность, за параллельностью – не только параллельность. Особенностью подхода является то, что автор дает толкование конструкции, встраивая в него фигуру говорящего, например, для предложения *Кто-кто, а Коля придет* дается следующее толкование: ‘потенциальных участников ситуации много, **говорящий** не считает нужным их указывать. **Для него** важно, что хотя бы один (или небольшая часть) наверняка или с большей вероятностью будет участником ситуации’ (с. 380).

Обращение к прагматической составляющей синтаксиса позволяет В.З. Санникову интерпретировать нетривиальные значения временных и логических подчинительных союзов (*пока, раз, если, поскольку, пусть*), а также союзов сочинительных. Полемизируя с Л.Н. Иорданской, В.З. Санников вносит очень важные уточнения в интерпретацию иллокутивных конструкций (“несобственно-условных” и “несобственно-причинных”): *Пока не спишь, куда ты положила словарь? Если ты помнишь, в каком году Андрей окончил Университет? Ветерок в аллее, потому что листья дрожат; Я тебе не говорила, но ты дурно с ней поступал*. Для предъявления логических отношений между частями сложноподчиненного предложения В.З. Санников восстанавливает речевые глаголы (вербализованный модус – по Ш. Балли), что становится основанием для отнесения иллокутивных конструкций к разряду эллиптических: *Пока не спишь, [спрошу]: куда ты положила словарь? Если ему нужно будет позвонить [учти, что] телефон в соседней комнате*. Работая со списком иллокутивных конструкций Л.Н. Иорданской, В.З. Санников делит их на четыре типа, при этом он учитывает не только тип восстанавливаемого иллокутивного глагола, но и степень смысловой связанности пропозициональных частей сложного предложения.

Несобственно-условные конструкции, помимо того, что описаны в первой части в составе иллокутивных, становятся предметом исследования в разделе, посвященном союзам *если, раз, пусть* (часть 4), где речь идет о возможности смыслового и синтаксического параллелизма в сложноподчиненных предложениях. Исходя из узкого понимания иллокутивной семантики союза, В.З. Санников показывает, что собственно-иллокутивное значение выражает союз *если*, в отличие от *раз* и *пусть*: *Если ты хочешь есть, в холодильнике есть продукты*.

Интересна и интерпретация сопоставительных значений союза *если*, даваемая В.З. Санниковым. См., например, предложение *Если Маша и побранила его вчера, то это для его же пользы* –

Если я и побранил его вчера, то это для его же пользы (с. 431). Автор предлагает для интерпретации этой пары предложений учитывать тонкие различия, связанные, например, с категорией лица (реальность/потенциальность условной части для Я/не Я).

Внимание к языковой игре вводит в сферу интересов автора случаи неоднозначного прочтения союзов. Так, автор рассматривает известный стихотворный фрагмент:

Были два друга в нашем полку.
Пой песню, пой <...>
И если один говорил из них “да”,
“Нет” – говорил другой, –

и квалифицирует союз *если* и как собственно-условный, и сопоставительный. При этом привлекает то, что научные терминологические интерпретации даются через толкование конкретного примера (“реакция одного из друзей была обусловлена реакцией другого; ... сообщение о покладистости одного друга и несговорчивости другого” – с. 430).

Несомненным достоинством является стремление автора к систематизации не только значений в рамках одной служебной лексемы, но и систематизация самих типов конструкций, которая дается, например, при интерпретации однородности. Если об однородности принято говорить как об одноклассности, то идея В.З. Санникова состоит в том, что классическая однородность – соединение однотипных функций – является частным случаем общей идеи параллельности. Параллельность (однородность в понимании В.З. Санникова) – это возможность соединения сочинительным союзом; она уравнивает два компонента по отношению к третьему; параллельность может реализоваться по-разному: (1) однотипность функций (*роща свежа и темна*); (2) разнотипность функций при лексическом повторе (*кто и что говорил*) осуществляется на базе кванторных и вопросительных слов, причем разнотипные функции могут давать равнолексемные отношения: *я говорю с лингвистом и о лингвисте*. (3) “Коммуникативная однородность” соединяет компоненты с разнотипными функциями, лексически не соотнесенные, но подчиненные одному хозяину: *у него были слабости, но невинные*.

Можно соглашаться или не соглашаться с таким расширением понятия однородности, однако следует признать ценность включения в сферу теории однородности этого (экспрессивного) материала, а также стройность и методологическую последовательность в построении классификации.

Интерпретируя семантику противительных союзов *но, а*, В.З. Санников учитывает такой семантический компонент, как “норма”, и говорит о “нарушении нормы”, “несоответствии норме”, что позволяет ему давать очень точные интерпретации примеров: *День был дождливый, но я не взял зонт* – *День был дождливый, но я взял*

зонт. Соглашаясь с Ю.И. Левиным, автор восстанавливает недостающую часть конструкции во втором примере (“мог вымокнуть”) и, соответственно, квалифицирует саму конструкцию как эллиптическую. В паре *День был дождливый, но Коля не взял зонт* – *День был дождливый, а Коля не взял зонт* первое предложение интерпретируется как внутреннее несоответствие норме и, следовательно, наличие внутренней зависимости между предикативными единицами; во втором предложении обнаруживается внешнее несоответствие и отсутствие зависимости.

В разделе о заместительных союзах речь идет о двухместных союзах типа *не... а..., не... но..., добро бы... а то...* Целесообразной представляется сама идея выделения двухместных сочинительных союзов (в результате соединения частицы с союзом). Плодотворным является и понимание сущности заместительности как “зачеркивания” одного *мне* и *я* и “утверждения” другого (а не противопоставления объектов или фактов).

Однако следует заметить, что некоторые формулировки В.З. Санникова кажутся слишком категоричными. В частности, это касается характеристики союза *не... но...* (*но не*) как книжного и устаревшего. Анализ материала показывает, что этот союз вполне употребим и в настоящее время, но он связан с определенными семантическими отношениями между параллельными компонентами, которые занимают разные ступени на шкале ценностей (не являются ценностно равными). В примере *Речь не мальчика, но мужа* союз обнаруживает не архаичность, а “высокий стиль” (архаичным можно признать слово *муж* в значении “взрослый, мудрый, опытный человек”, но не сам союз). По-видимому, архаика для В.З. Санникова – больше понятие тематическое, чем синтаксическое. Союз *не... но* может отсылать к чужому поучающему слову либо обнаруживает чью-либо шкалу ценностей; ср. пример из “Евгения Онегина”:

В дуэлях классик и педант,
Любил методу он из чувства,
И человека растянуть
Он позволял – *не как-нибудь*,
Но в строгих правилах искусства,
По всем преданьям старины
(Что похвалить мы в нем должны).

В этом примере можно увидеть книжность, высокий стиль, особую риторичность, но не архаичность. После союза *но* идет более значимый компонент, тот, который занимает более высокую ступень на шкале ценностей. Сама же шкала ценностей соотносится с определенной точкой зрения. Автор, иронизируя над Зарецким, воспроизводит его наставительный тон, и союз *но* становится особо значимым компонентом конструкции. Это своеобразный речевой жест – поднятый вверх указательный палец, который обращает внимание адресата на важность сказанного.

См. также хрестоматийные примеры: *Поэтом можешь ты не быть, / Но гражданином быть обязан* (Н.А. Некрасов); *Не говори с тоской: их нет; / Но с благодарностью: были* (В.А. Жуковский).

Оба примера характеризуются наличием модального значения, оба являются побудительными речевыми актами. В них нет простой заместительности или субъективного предпочтения, а есть правильный выбор. Не думаю, что принадлежность поэтическим текстам XIX в. следует интерпретировать как архаичность. Обращение к Интернет-ресурсам показывает, что обсуждаемый союз соотносится с определенными речевыми жанрами (проповедь, наставление, поучение) и речевыми актами (например, оценочными).

Нет архаичности и в XXVII строфе 8-й главы “Евгения Онегина”:

Но мой Онегин вечер целый
Татьяной занят был одной,
Не этой девочкой несмелой,
Влюбленной, бедной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.

Заместительный союз *не... но* в соединении с указательным местоимением *этот* при личном существительном предъявляет ценностную шкалу Онегина, на нижней ступени которой находится “эта девочка”, а на высшей – “равнодушная княгиня”, “*сия* величаясь, *сия* небрежная законодательница зал”.

В процессе создания этой строфы Пушкин пробовал и другие варианты:

– для четвертой строки – *Смиренной, бедной и простой*;

– для пятой и шестой – *Но этой милою княгиней / Роскошных берегов Невы.*

Союз *но* в этом (черновом) варианте текста оказывался семантически неоправданным, его вполне можно было бы заменить собственно заместительным союзом *а*, но при этом Татьяна становилась бы менее неприступной и не могла бы “соперничать” в глазах света с Ниной Воронскою, “сей Клеопатрою Невы”. Дистанция между “смиренной” и “милой” не настолько велика, чтобы противопоставлять и замещать одно другим, – в отличие от дистанции между “несмелой” и “равнодушной”, “влюбленной” и “неприступной”. В окончательном варианте выбраны пары максимального контраста. Новые качества Татьяны обладают ценностью в глазах света и самого Онегина. Соответственно выбор союза *не... но* становится оправданным, поскольку в этом случае конструкция прочитывается как отражение поступков Онегина и его системы ценностей: пренебрег “девочкой несмелой”, но увлечен “равнодушною княгиней”.

Однако отметим, что само свойство союза *но* выражать оценку рассматривается В.З. Санниковым не только в связи с понятием нормы, но и в связи с понятием шкалы ценностей. Это наблюдение дано в той части книги, где автор рассматривает реальные текстовые примеры: “свойство союза *но* соединять разные полюса разных шкал (*бедная, но благородная, красивая, но глупая*)” (с. 561).

Еще два соображения в плане полемики: одно касается присоединения и присоединительных конструкций, второе – узкого понимания иллокутивных конструкций.

В.З. Санников в главе об иллокутивных употреблении союзов пишет: “Начинается, как это нередко бывает в русистике, с Виктора Владимировича Виноградова”. Здесь же автор признает, что многие наблюдения В.В. Виноградова “служат отправной точкой для важных теоретических обобщений” (с. 53). Однако при решении вопроса о разграничении сочинения и присоединения он не обращается к работам В.В. Виноградова и сводит понятие присоединения к концепции Ю.В. Ванникова, т.е. к проблеме актуального членения, парцелляции, договаривания, или “дополнительных непреднамеренных элементов” (с. 108). Поэтому вне поля зрения В.З. Санникова оказывается материал, рассмотренный В.В. Виноградовым в статье «Стиль “Пиковой дамы”» в связи с понятием субъектной сферы, соотношением субъектных сфер и понятием “сдвинутых конструкций”. При этом из сферы внимания В.З. Санникова исключается тот материал, который свидетельствует о намеренной тактике “соединения несоединимого”. Намеренное соединение несоединимого обсуждается в разделе о языковой игре (*Я потерял на одной неделе жену и зонтик* – с. 559). Но свести пушкинские примеры (*она разливала чай, и ...; она вслух читала романы, и...*) к языковой игре было бы ненужным упрощением. По-видимому, присоединение есть смысл рассматривать как текстовое явление, обусловленное грамматикой точки зрения, и не ограничивать прагматику союза традиционной целью высказывания (о прагматике соединительных союзов см. с. 318–327). Можно согласиться с автором в том, что умножать значения одного союза *и* в зависимости от семантики соединяемого не стоит, но и закрывать проблему присоединения, подводя его под непреднамеренность и “договаривание”, тоже не стоит.

И в заключение несколько слов о понимании иллокутивных конструкций и иллокутивных союзов. Poleмика касается двух пунктов. Первое – необходимость учитывать больший, чем одно

предложение, контекст, по крайней мере, для союза *раз*. Второе – несогласие рецензента с предложением В.З. Санникова сузить понимание иллокутивной конструкции.

В.З. Санников к собственно иллокутивным относит только те случаи, в которых “содержание второй части не связано по смыслу с содержанием первой” (с. 59): *Ну, раз ты хочешь знать правду, отец уехал навсегда*. Эти примеры рассматриваются как особый случай эллипсиса (*раз хочешь знать, сообщаю...*). При этом восстанавливаются только части внутри предложения, но не обращается внимания на внешний контекст. Представляется, что союз *раз* выражает не только внутренне синтаксические отношения, но и отношение к предшествующему контексту – чаще диалогическому. Замечу, что при интерпретации семантики союза *раз* гораздо важнее различать наличие/отсутствие модусной, иллокутивной составляющей (как лексикализованной, так и грамматикализованной), чем наличие/отсутствие временной рядоположенности и логической связи между пропозициональными частями сложного предложения. Представляется, что предложения с союзом *раз* выражают обоснование речевого акта (*Раз пришел, входи* – ‘поскольку ты пришел, постольку я разрешаю тебе войти’). Предложения типа *Раз занавес закрылся, публика разошлась* не являются “обычными сложными предложениями”, поскольку они оказываются обоснованием мнения, произносятся тогда, когда говорящий знает об опущенном занавесе, но не знает точно о наличии публики; такое предложение читается в связи с пропущенными модусными составляющими: ‘Если я знаю, что занавес закрылся, то с уверенностью могу предположить, что публика разошлась’. Произнести подобное предложение можно только тогда, когда говорящий не видит зрительного зала и не знает точно, есть ли там публика. Произносится это предложение как ответ на вопрос: *Разошлась ли публика?* Это значит, что интерпретация подобных предложений возможна лишь при учете диалогического контекста.

Подводя итоги, необходимо отметить, что книга В.З. Санникова освещает наиболее трудные и интересные вопросы современного русского синтаксиса, связывает решение этих вопросов с прагматикой, с уровнем текста, поднимает обсуждение русского синтаксиса на новый теоретический уровень.

Н.К. Ониненко